дешь моя, или я тебя убью!» <...> Я улыбнулась на пороге: «До завтра...» (Л. Лопато. Волшебное зеркало воспоминаний).

В данной ситуации адресат достаточно категорично уходит от ответа, сменяет тему и, более того, прерывает коммуникацию физическим уходом. Соответственно, шантажист не получает ожидаемой реакции, что потенциально может привести как к обострению конфликта, так и к признанию адресантом нецелесообразности выбора шантажа как средства воздействия.

Подводя итоги, отметим, что коммуникативное поведение адресата шантажа реализуется с помощью категорий подчиненности, митигативности, а в некоторых ситуациях – коммуникативной активности / блефа и коммуникативного саботажа. Коммуникативное поведение жертвы характеризуется специфическим набором коммуникативных стратегий и тактик, чаще всего адресат выбирает одну из трех стратегий – соперничества, приспособления и избегания, реализация которых осуществляется посредством речевых актов согласия, обещания, клятвы, заверения.

Список литературы

1. Андреева В.Ю. Коммуникативный саботаж в ряду смежных речевых явлений (сопоставление с конфликтом, речевой агрессией, коммуникативным давлением) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 4.

2. Барышников Н.В. Стратегии равностатусной межкультурной коммуникации // Вестн. МГИМО. 2013. № 6(33). С. 90–94

3. Головаш Л.Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008.

4. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы (виктимология). М.: Изд-во Экс-мо, 2006.

5. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.

* * *

1. Andreeva V.Ju. Kommunikativnyj sabotazh v rjadu smezhnyh rechevyh javlenij (sopostavlenie s konfliktom, rechevoj agressiej, kommunikativnym davleniem) // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2014. № 1. S. 4.

2. Baryshnikov N.V. Strategii ravnostatusnoj mezhkul'turnoj kommunikacii // Vestn. MGIMO. 2013. № 6(33). S. 90–94

3. Golovash L.B. Kommunikativnye sredstva vyrazhenija strategii uklonenija ot prjamogo otveta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo, 2008.

4. Malkina-Pyh I.G. Psihologija povedenija zhertvy (viktimologija). M.: Izd-vo Jeks-mo, 2006.

5. Tahtarova S.S. Kategorija kommunikativnogo smjagchenija (kognitivno-diskursivnyj i jetnokul'turnyj aspekty): monogr. / nauch. red. V.I. Shahovskij. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2009.

Strategies for the communicative behavior of the addressee of blackmail

The article is devoted to the analysis of blackmail from the position of the addressee. The author identifies the most typical strategies of the adressee's communicative behavior such as adaptation, rivalry and avoidance. The communicative behavior of the victim is described through the categories of subordination, communicative mitigation as well as the phenomena of communicative activity, bluff and communicative sabotage.

Key words: *blackmail, communicative behavior, strategy, speech act, rivalry, avoidance, adaptation.*

(Статья поступила в редакцию 26.06.2018)

И.А. ЛЕВЧЕНКО
(Волгоград)

СЕМИОТИКА ДАЧИ КАК КОНЦЕПТА ХАБИТАТА РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ И ЭЛИТЫ XVIII–XIX СТОЛЕТИЙ: ПРЕДМЕТНЫЕ, ОБРАЗНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Описывается семиотика дачи как концепта хабитата русской аристократии и элиты XVIII–XIX вв., а также выявляются его предметные, образные и ценностные характеристики. Рассмотрены связи концепта «Дача» с родственными концептами «Усадьба», «Поместье», «Мыза» и «Имение», определены дифференциальные признаки, отличающие семантику его имени от имен родственных концептов.

Ключевые слова: *дача, знак, картина мира, концепт, прагматоним, семиотика, хабитат.*

Арсенал концептологии как лингвистической науки продолжает пополняться: концепты – «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти че-

© Левченко И.А., 2018

ловека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта», «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны», «фрагмент жизненного опыта человека», «переживаемая информация», «квант переживаемого знания» [13]; «дискретные ментальные образования, являющиеся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающие относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющие собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущие комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [21], – все более тщательно изучаются и описываются в качестве феноменов семиотики и культуры. Данная статья посвящена анализу дачи как концепта хабитата русской аристократии и элиты XVIII–XIX вв. с точки зрения наличия в нем предметных, образных и ценностных характеристик, а также с точки зрения этноспецифичной (русской) семиотики. Заметим, что речь идет о концепте, актуализировавшемся на определенном историческом временно́м участке XVIII–XIX вв. и имеющем связи с современным значением его имени в советской и российской действительности (дача как место отдыха современного горожанина): разница «советской» и «российской» дачной действительности заключалась в том, что в СССР сначала дачи не давались в дар, оставаясь государственной собственностью (госдачи), в хрущевскую оттепель начали выделяться работникам предприятий, а в современной России самостоятельно приобретаются горожанами.

Изучая концепт «Дача» как включенный в хабитат русской аристократии и элиты XVIII–XIX вв., считаем необходимым дать определение последнему; Н.И. Дорохова и А.В. Олянич под средой обитания (*хабитатом* – англ. *habitat*) понимают «…вслед за лингвокультурологами, изучающими этот феномен, как явление рефлексии участка материальной действительности в языковой картине мира отдельного этноса, территорию / место пребывания, проживания и социализации человека на протяжении его обыденной (повседневной) жизни и жизни окружающих его людей» [8]. В ряду констант русской культуры концепт «Дача» занимает особое место как специфический феномен русской картины мира. Т.С. Цивьян отмечает: «Дача – “загородный дом для летнего проживания” (С.И. Ожегов), словарное определение нейтрально, но само слово, не переводимое на другие языки, а только транслитерируемое, в конце концов приводит к концепту, укладывающемуся в русскую модель мира. Характерно, что именно с “уникальности слова” начинается укоренение дачи как концепта и как знака русского» [30].

Ф. Джойя также полагает, что «…понятие *дача* является важным концептом для русской картины мира. В современной гуманитарной науке дача исследуется как часть русской культуры, явление национальной и этнокультурной специфики российской истории, уникальный феномен русской жизни и быта <…> “дача” не столько слово, которое обозначает “загородный дом”, то есть материальную вещь, определенное место в человечеством обществе, но является идеей, понятием, концептом, в который входит много разных составляющих информации (выражаемые в языке через лексические единицы) в различных областях: из истории России, из бытия граждан России, из народных традиций, из экономики (собственность, государственная власть), из определенной жизни (дачная), из искусства, в частности, прежде всего, из литературных произведений» [7].

На этничность концепта и его русскую специфику обращают внимание западные исследователи, такие как С. Лоуэлл [14], М.Л. Колдуэлл [31], Дж. Раймонд Стрюк и Карен Ангеличи [34].

Понятийные характеристики концепта «Дача» раскрываются через дефиниции его имени в толковых словарях и анализ его происхождения (этимологии). Большой толковый словарь современного русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова дает следующее определение лексемы *дача* как имени концепта:

II. ДА́ЧА, дачи, ·жен. Загородный дом для летнего проживания и отдыха городских жителей. Снять дачу. На даче – на летнем отдыхе вне города. Жить на даче. На дачу – на летний отдых за город. Поехать на дачу.

III. ДА́ЧА, дачи, ·жен. (спец.). Участок земли под лесом. Лесная дача [1].

Словарь Брокгауза и Эфрона дает такое определение даче: «Дача – термин действующего межевого законодательства, единица генерального межевания, пространство земли, обведенное при генеральном межевании круговыми межами и приуроченное не к именам владельцев, но к именам сел, деревень и пусто-

шей. Происхождение этого названия коренится в поместной системе, при которой государь раздавал земли за службу, причем в одной и той же местности зачастую отводились земли различным лицам, без указания границ их владений в натуре» [4].

Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера дает следующие сведения об этимологии концепта:

Да́ча – первонач. «дарованная князем земля», укр. да́ча «принесение в дар», сербохорв. да̏ħа «поминки», словен. dáča «по́дать, дань».

Праслав. *daṭ̑ia; см. дать:1 л. ед. ч. даю́, буд. дам; укр. да́ти, блр. даць, ст.-слав. дати, сербохорв. да̀ти, словен. dáti, чеш. dáti, польск., в.-луж. dać, н.-луж. daś [29].

История происхождения дачи отражена в «Википедии»: «Считается, что первые дачи появились в России еще в начале XVIII века, в эпоху Петра I. Изначально это были, скорее, не дачи, а усадьбы под Петербургом, которые царь даровал (дарил) своим приближенным за заслуги перед государством. Предполагают, что это делалось для того, чтобы чиновники всегда были “под рукой” и не проживали по своим поместьям, а также для того, чтобы обжить пригороды новой столицы. Дачи давались при условии благоустройства земельного участка, включающего строительство дома по образцовому проекту. Хотя как раз тогда вошло в обиход слово “дача” – производное от глагола “давать”. Более 100 лет дачи-усадьбы оставались привилегией аристократии, и только ближе к концу XIX века дачу смогли себе позволить люди различного достатка» [3].

В своей монографии об истории русской дачи Стивен Лоуэлл, историк Университета Лондона, также подтверждает этот факт: «The history of the modern dacha began with Peter the Great, who gave suburban tracts of land to nobles along the road leading from St. Petersburg to his summer palace at Peterhof and ordered them to construct palatial country residences. By the mid-eighteenth century a row of imposing residences and gardens lined the southern shore of the Gulf of Finland, where noble families and courtiers organized lavish entertainments in an environment “associated with a rejection of the status distinctions that underpinned social contacts in the city and at court”» [32].

Как видим, семантика имени концепта «Дача» чрезвычайно сближена с семантикой других единиц хабитата аристократии и элиты, таких как **поместье** (ПОМЕ́СТЬЕ, поместья, ср. 1. Земельное владение помещика, имение. 2. При феодальном строе – личное земельное владение (в отличие от вотчины), жалуемое государем вассалу за службу (ист.)), **имение** (ИМЕ́НИЕ, имения, ср. 1. Земельное владение с помещичьим хозяйством, поместье. Родовое именье. 2. только ед. устар. Имущество, собственность), **мыза** (МЫ́ЗА, мызы, жен. (фин. moisio). Загородный дом, дача с собственным отдельным хозяйством в местностях, прилегающих к Финляндии) и **усадьба** (УСА́ДЬБА, усадьбы, род. мн. усадьб и усадеб, усадьбам, жен. 1. Отдельное поселение, дом на селе со всеми примыкающими к нему строениями, службами и угодьями (садом, огородом и т.п.), в старину преим. господский, помещичий. 2. Земля под усадьбой (см. 1 знач.), в отличие от земли под полями, лугами, лесом) [1].

Дифференциальными признаками, отличающими значение имени концепта «Дача» от всех прочих являются семы ‘лето’, ‘летний отдых’ и ‘близость к городской черте’, ‘загородный дом’.

Образные характеристики концепта «Дача» детерминированы образом жизни аристократии и элиты царской России XVIII–XIX вв. в хабитате загородного существования. Эта часть социума того времени в загородной среде формировала свое обитание по особой семиотической модели, в которую были включены большие кластеры образных знаков.

В XVIII–XIX вв. образный семиотический кластер дачи составляли:

– *хабитативы* – огромные поместья на многие сотни гектаров с капитальными строениями в духе того времени (слово *дача* вошло в обиход и закрепилось в значении ‘временное жилье за городом’ [19]);

– *рекреативы* как знаки развлечений и отдыха (так, историк дачного движения М.И. Пиляев отмечал, что «…на дачах не просто отдыхали: устраивали балы, открывали салоны, они стали частью богемной жизни горожан. Часто приезжали гости. К их приезду хозяева устраивали на прудах балы с фейерверками и танцами дрессированных лошадей на поляне. Понятие “на даче отдыхать” – это гуляние под луной по красивым аллеям парка, купания, застолья, приятные чаепития за дружественной беседой у красивого самовара или угощения парным молоком, купленным у ближайшей молочницы» [11].

Из приведенного высказывания М.И. Пиляева видно, что дача стала семиотическим пространством для актуализации *глюттони-*

мов как знаков пищи (термин А.В. Олянича [18]) – *застолья, приятные чаепития за дружественной беседой у красивого самовара или угощения парным молоком.* У А.П. Чехова в его рассказе «Из воспоминаний идеалиста» также актуализированы знаки-*глюттонимы*: *В одиннадцать шел к хозяйке поздравить ее с добрым утром и пил у нее* ***кофе с жирными, топлеными сливками.*** *От кофе до обеда болтали. В два часа обед, но что за обед! Представьте себе, что вы, голодный как собака, садитесь за стол, хватаете* ***большую рюмку листовки*** *и закусываете* ***горячей солониной с хреном.*** *Затем представьте себе* ***окрошку*** *или* ***зеленые щи со сметаной*** *и т.д. и т.д.* (выделено нами. – *И.Л.*) (А.П. Чехов. Из воспоминаний идеалиста).

Галина Ульянова в своей статье «Все прелести русской вольной природы» упоминает о целом ряде рекомендаций по глюттонии дачной жизни: «В новейших пособиях по загородной жизни, опубликованных на рубеже XIX–XX веков, давались полезные рекомендации по питанию. На каждый месяц предлагалось семь вариантов обеда. Например, в мае: “Суп со спаржею. Говядина тушеная с картофелем. Караси жареные со сметаною. Зефир сливочный”. В июне: “Суп из щавеля. Котлеты рубленые из телятины. Зеленая фасоль с гренками. Ванилевое бланманже”. В июле: “Суп из шпината. Зеленый горох и фасоль в стручках. Жаркое – говядина с пюре из каштанов. Желе из земляники”. В августе: “Окрошка. Цыплята фаршированные. Зеленый горох, гарнированный раковыми шейками. Шарлотка из яблок”. Неизменным ритуалом оставались дачные посиделки за самоваром с пирожками и свежайшим вареньем» [28].

Выделяются и другие типы знаков дачного семиотического пространства. Так, О. Протасова пишет: «Несомненно, дача – такая же национальная особенность русских, как водка, баня, балет и медведи. Дача – это не просто загородный дом. Это – символ, смысл которого меняется в зависимости от исторического периода: в XVIII веке дача – признак благоволения власти, в XIX – свидетельство причастности к среднему классу. Русские писатели оставили нам щедрое наследие для изучения особенностей загородного житья конца XIX века. Бунинско-чеховские дачные хроники – дачные романы, дачный преферанс, дачный театр. Как бы то ни было, дача – это особое явление русской жизни во всем ее историческом многообразии» [22]. Как видим, в характеристике дачи обнаруживаются такие знаки, как *альковные коммуникативы* (дачные романы), *людонимы,* или знаки азартной игры (дачный преферанс), и *театральные презентемы* (дачный театр).

В типологии дачных знаков исследователи выделяют также знаки-*персоналии*, объединенные зонтичным сложным знаком «дачники» и выступающие, во-первых, в ипостаси *сословных знаков* (дворяне и буржуазия), а во-вторых, в роли знаков-*профессионимов* (адвокаты, заводские управляющие, конторские начальники, инженеры-путейцы и пр.; выделены в тексте). Так, описывая феномен русской дачи, Галина Иванкина констатирует: «Постепенно уходила Россия – поместная, Россия “дворянских гнезд”. Зато заявляла о себе буржуазия, появлялась прослойка состоятельных горожан – *адвокатов, заводских управляющих, конторских начальников… а также инженеров-путейцев, связистов, гимназических инспекторов, руководителей телеграфных пунктов* и так далее. Как заявил Лопахин: “До сих пор в деревне были только господа и мужики, а теперь появились еще дачники”. У них, разумеется, не было имений, зато был заразительный пример перед глазами – недосягаемая, непостигаемая аристократия. Итак, русская дача – это не что иное, как доступный “заменитель” барского поместья. Дачная жизнь заменяла адвокату или инженеру ту самую дворянскую дольче-вита, которую они знали по книгам или даже наблюдали в реальности. Почему именно в России возник этот феномен? Потому что, как сказал исследователь архитектуры Андрей Иконников (правда, по иному поводу): для русского человека “...авторитетом привычного обладала традиционность. Особую привлекательность получила парадигма дворца, <…> дворянской усадьбы”» [10].

Из приведенного фрагмента также следует, что сословные персоналии претерпели семиотическую трансформацию от дворян к буржуазии или состоятельным горожанам, притом что для последних семиотическим ориентиром оставался концепт “dolce vita”, являвшийся прерогативой для бытия дворянства и аристократии, а также концепт “savoir vivre” (умение жить с удовольствием), заимствованный из французской лингвокультуры дворянством XVIII–XIX вв. [2]. Актуализации концептов “dolce vita” и “savoir vivre” в семиотическом пространстве русской дачи XVIII–XIX вв. посвятили свои работы многие исследователи (см., например: [5; 6; 15–17; 23;

26, с. 24; 33]). Так, в частности, авторы отмечают, что образные характеристики концепта «Дача» поддерживаются знаками, характерными для актуализации концептов “dolce vita” и “savoir vivre”, такими как *экстерьеронимы* (знаки внешнего вида, одобряемые дачным социумом) и *хабитативы* (знаки среды, также необходимые для соответствия принадлежности к дачному социуму).

По поводу необходимости *экстерьеронимов* в дачном хабитате Г. Иванкина отмечает: «Издания “Дамский мир” и “Модный магазин” 1880–1890-х годов в летние месяцы регулярно помещали раздел, посвященный “дачным нарядам”. Разумеется, это были именно наряды, а не надоевшая одежда, которую свезли на дачу с целью доносить и выбросить! Так, дамам советовали немного ослаблять корсеты, а мужчинам – носить канотье и пиджаки из чесучи» [10]. Обратим также внимание на экстерьеронимы, которые использует И.А. Бунин в своем рассказе «На даче»: *На обширной поляне парка стояли одни темно-зеленые, широковетвистые дубы. Тут обыкновенно собирались дачники. Теперь большинство их, чиновники, шли по дороге, пролегающей между дубами, к железнодорожной станции.* ***Барышни в пестрых легких платьях и мужчины в чесуче, в мягкой обуви,*** *проходили мимо Натальи Борисовны и углублялись по узкой дороге в лес* (выделено нами. – *И.Л.*) (И.А. Бунин. На даче).

У Г. Иванкиной встречаем идеальный семиотический образ дачи, основанный на *хабитативах*: «Все описания дореволюционных дач похожи – это непременная речка, романтическая веранда, шум поезда в вечерних сумерках, палисадник, и – миленькая дачница. “Лёля NN, хорошенькая двадцатилетняя блондинка, стоит у палисадника дачи и, положив подбородок на перекладину, глядит вдаль. Все далекое поле, клочковатые облака на небе, темнеющая вдали железнодорожная станция и речка, бегущая в десяти шагах от палисадника, залиты светом багровой, поднимающейся из-за кургана луны”» [Там же].

Перейдем к анализу дачных ценностей. А.И. Трейвиш пишет: «Анализ дачных ценностей можно вести по тем мотивам владения вторым временно обитаемым домом, что выявляют опросами при переписях жилья на Западе, но вполне универсальными. Они суть следующие:

1. Рекреационно-экологические, сопряженные с соответствующими качествами внегородской среды или только с представлениями о ней.

2. Инвестиционные, хотя и не сводимые к дачной недвижимости.

3. Пенсионные, рассчитанные на смену места и образа жизни в преклонные годы (с учетом интересов и потребностей наследников).

4. Своего рода остаточные, включая наследно-ностальгические, когда дача, хотя бы и редко используемая, – это былой отчий дом, малая родина.

5. Трудовые, связанные с ведением прежних занятий в иной среде либо с их сменой (аграрное, промысловое подспорье и др.), нередко в сочетании с мотивом № 1» [27].

Ценностные характеристики концепта «Дача» семиотически вычленяются из контекстов литературных произведений, дачных описаний, воспоминаний представителей социума означенного исторического периода. Основной ценностью дачи как концепта оказывается *эскепизм*; как пишет та же Г. Иванкина: «Дача, как quasi-усадьба, как место идеального отдыха. Дача – это *побег из города, и последняя попытка укрыться от губительных страстей городской жизни*» (курсив наш. – *И.Л.*) [10].

Следующей ценностной характеристикой концепта «Дача» является *близость к природе и единение с ней*. Так, у И.А. Бунина в том же рассказе эта характеристика актуализирована таким контекстом: *На реке еще было прохладно и тихо. За лугами, в синеющей роще, куковала кукушка. У берега зашуршали камыши, и из них медленно выплыла лодка. Седенький старичок в очках и поломанной соломенной шляпе сидел в ней, рассматривая удочку. Он поднял ее и соображал что-то, лодка остановилась и вместе с ним, с его белой рубашкой и шляпой, отразилась в воде. А из купальни слышались крики, плеск и хохот. По гнущимся доскам бежали с берега, стуча сапогами, гимназисты, студенты в белых кителях, чиновники в парусинных рубашках... Грише не хотелось возвращаться туда, и он стал нырять, раскрывать глаза в темно-зеленой воде, и его тело казалось ему чужим и странным, словно он глядел сквозь стекло. Караси и гольцы с удивленными глазками останавливались против него и вдруг таинственно юркали куда-то в темную и холодную глубину. Вода мягко, упруго сжимала и качала тело, и приятно было чувствовать под ногами жесткий песок и раковины... А наверху уже припекало. Теплая, неподвижная вода блестела кругом, как зеркало. С зеле-*

ных прибрежных лозин в серых сережках тихо плыл белый пух и тянуло запахом тины и рыбы (И.А. Бунин. На даче). Пасторальная и почти идиллическая тональность фрагмента указывает на ценность времяпрепровождения в природном хабитате дачного пространства.

Пребывание на даче с пользой для укрепления здоровья посредством спорта – следующая ценностная характеристика концепта «Дача», о чем свидетельствуют следующие фрагменты рассказа И.А. Бунина: *Ровно час после купанья Гриша* ***посвятил гимнастике.*** *Сперва он* ***подтягивался по канату и висел на трапеции в саду, потом в своей комнате становился в львиные позы, играя двухпудовыми гирями;*** *Вечером на поляне около сада Примо* ***играли в крокет.*** *Солнце скрылось в густую чащу леса за поляной, и лес темнел на шафрановом фоне заката. Воздух был сухой и теплый, даже душный. Около* ***играющих*** *стояли знакомые и незнакомые барышни и студенты; потом они разбрелись, и зрителями остались маленькие гимназисты. Их очень занимал непрекращающийся спор между Гришей и Игнатием.*

– А я тебе говорю, что ты ее убил! – азартно кричал Игнатий, стоя перед Гришей. – Я стоял вот здесь, – продолжал он, все более волнуясь, отбегая и ***стукая молотком*** *по тому мосту, где стоял, – я стоял вот на этом самом месте и отлично видел, как* ***шар Марьи Ивановны коснулся фока!*** (выделено нами. – *И.Л.*) (И.А. Бунин. На даче).

Дача являлась той средой, где велись серьезные дискуссии, на лоне природы шли интеллектуальные разговоры; *интеллектуальная свобода и свобода творчества* оказывается еще одной ценностной характеристикой концепта «Дача», о чем свидетельствует следующий фрагмент: ***Заговорили о том, что влияние Толстого проходит, что Толстой велик как романист и слаб как философ, что он умеет только отрицать и ничего не дает положительного...*** *Гриша внимательно слушал. Слова Викентьева заставили его задуматься. «Болван! – думал он про Викентьева. – Но это-то, пожалуй, отчасти и правда... Не ново-то не ново...». Посидели еще, не зная, что делать. Всем было хорошо, но все чего-то ждали. И когда Наталья Борисовна сказала, что хочется чаю, поднялись очень живо, словно исполнили обязанность.У крыльца профессор и Викентьев откланялись* (выделено нами. – *И.Л.*) (И.А. Бунин. На даче).

Переезд на дачу в XIX в. представлял собой целый *ритуал*, становясь еще одной ценностной характеристикой концепта «Дача». Вот как характеризует этот ритуал Г. Ульянова: «Переезд на дачу представлял собой особый церемониал. Обычно, как отмечено в ряде мемуаров, он происходил между 1 и 8 мая по старому стилю (во второй декаде мая по новому стилю). Это было серьезное дело, близкое к театральному зрелищу. Заказывали четыре-пять возов, куда грузили вещи – начиная с тяжелой мебели и кончая хрупкой посудой. Сверху все покрывалось брезентом и закреплялось веревками. Из мебели привозили только рояль на специальной подводе. В день накануне переезда все необходимые вещи раскладывались на рогожах, постеленных во дворе, а потом паковались в тюки. В самый же день переселения на дачу с шести часов утра четыре-пять возов загружали и готовыми тюками, и мелкими вещами (здесь были и детские велосипеды, и живые куры, и зонтики, и килограммов 100–200 сахара для варенья). После погрузки, длившейся по нескольку часов, дворник и возчики собирались в кухне, где им полагались водка и закуска за погрузку, а потом “с Богом” двигались в путь. Осенью, при выезде с дачи, все собирали в обратном порядке и с такими же навьюченными вещами возами возвращались в город» [28].

В семиотику такого ритуала, как видим, включались как знаки-*прагматонимы*, под которыми понимаются знаки, связанные со средой обитания человека и денотирующие элементы этой среды [9; 20, с. 110; 25], так и знаки-*транспортонимы* (подвода, телега) и знаки-*персоналии* (дворник, возчики, прислуга).

Эстетические параметры дачных построек и домов в XIX в. составляют еще одну ценностную характеристику концепта «Дача»: «Конец XIX века… Дома приобретают все более живописный вид, обрастая полуоткрытыми помещениями – балконами, лоджиями, эркерами, верандами, – в целях большей открытости внутреннего пространства наружу. Здание, теряя однофасадность, приобретает качества скульптурной композиции. Потеря однофасадности – новый шаг в загородной архитектуре. Если раньше на такие “мелочи” в архитектуре загородных домов, как “внешний вид строения со всех сторон”, никто не обращал внимания, то в конце XIX века этому аспекту стали уделять повышенное внимание. Действительно, дом, как скульптура, уже представлял собой некую композицию. Причем, “композиционность” жилища стала присуща не только его внешнему виду, но и интерьеру» [12]. Как видим, семиотика эстетики дачи

поддерживается знаками-*конструкционимами* «полуоткрытые помещения», «балкон», «лоджия», «эркер», «веранда», «однофасадность», «скульптура», «композиционность».

Наконец, важной ценностной характеристикой с конца XIX в. стала возможность *ведения на территории дачи хозяйственно-экономической деятельности*: дачные участки стали использовать в сельскохозяйственных целях для выращивания фруктов, овощей, различных агрокультур, которые разнообразили стол дачников и позволяли экономить на их закупках на рынке. Блогер О. Серебровская пишет: «Если в середине XIX века на дачу ездили, “потому что Сонечка была слабого здоровья”, то с конца столетия дачный отдых перестал быть уделом больных и ослабленных граждан. Сезонная дачная жизнь стала массовым явлением, позволяющим горожанам структурировать свободное время и реализовать свой хозяйственно-творческий потенциал» [24].

Резюмируем. Дача как концепт хабитата русской аристократии и элиты XVIII–XIX вв. есть не что иное, как феномен русской культуры и неотъемлемый компонент русской национальной языковой картины мира означенного исторического периода. С течением времени семиотическая среда актуализации данного концепта, в веках совпадавшая с семиотикой концептов «Поместье», «Усадьба», «Мыза» и «Имение» как номинаторов расположения власти к своим подданным (дарение в XVIII – начале XIX в.), значительно упростилась (аренда загородных домов в конце XIX в.) и трансформировалась в место для отдыха для горожан, выделяемых властью (СССР), а затем приобретаемых как недвижимость (Россия).

Понятийные характеристики концепта «Дача» выявляются через семасиологический анализ этимологических и толковых словарей; они сводятся к идее отдыха и рекреации горожан в загородных жилищах на лоне природы – вначале как награда аристократии земельным участком за службу государю (XVIII в., начало XIX в.), а затем как владение собственным загородным домом или аренда последнего (конец XIX в.). Дифференциальными признаками, отличающими значение имени концепта «Дача» от всех прочих («поместье», «усадьба», «мыза», «имение»), являются семы ‘лето’, ‘летний отдых’ и ‘близость к городской черте, загородный дом’.

Образные характеристики концепта «Дача» в означенный исторический период опираются на понятие образа жизни аристократии и элиты XVIII–XIX вв. и поддерживаются семиотически, т. е. при помощи кластеров знаков, таких как хабитативы, рекреативы, глюттонимы, альковные коммуникативы, людонимы, театральные презентемы, персоналии, сословные знаки, профессионимы. Образные характеристики концепта «Дача» также поддерживаются знаками, характерными для актуализации концептов “dolce vita” и “savoir vivre”, такими как экстерьеронимы (знаки внешнего вида, одобряемые дачным социумом) и хабитативы (знаки среды, также необходимые для соответствия принадлежности к дачному социуму).

Ценностные характеристики концепта «Дача» семиотически вычленяются из контекстов литературных произведений, дачных описаний, воспоминаний представителей социума означенного исторического периода. К ним относятся:

– эскепизм;

– близость к природе и единение с ней;

– пребывание на даче с пользой для укрепления здоровья посредством спорта;

– интеллектуальная свобода и свобода творчества;

– ритуал переезда на дачу;

– эстетические параметры дачных построек и домов;

– ведение на территории дачи хозяйственно-экономической деятельности.

Семиотика дачных ценностей рассматриваемого исторического периода поддерживается разнообразными кластерами знаков (прагматонимы, транспортонимы, конструкционимы, персоналии и др.).

Список литературы

1. Большой толковый словарь современного русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Альта-Принт, 2007.

2. Грабарова Э.В. Концепт savoir vivre во французской лингвокультуре и его русские соответствия: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

3. Дача [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дача (дата обращения: 16.03.2018).

4. Дача, термин межевого законодательства [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/128160/Дача (дата обращения: 23.03.2018).

5. Деотто П. Дачная традиция в Серебряном веке // Петербург – столица русской культуры II. Salerno: EuropaOrientalis, 2004. С. 335–348.

6. Деотто П. Петербургский дачный быт XIX в. как факт массовой культуры. Salerno: Europa Orientalis, 1997. № 16. С. 357–372.

7. Джойя Ф. Лингвосоциокультурный потенциал лексемы «дача»: выпускная квалификационная работа магистра лингвистики. СПб., 2017.

8. Дорохова Н.И., Олянич А.В. Лингвосемиотика среды обитания англоязычного этноса V–XV столетий: моногр. Волгоград, 2014.

9. Ермакова Л.А., Седых А.П. Языковая картина мира и прагматонимы «каша», «porridge» и «bouillie» // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. 2010. № 2. С. 30–35.

10. Иванкина Г. Русская дача как феномен [Электронный ресурс]. URL: https://zina-korzina.livejournal.com/723573.html (дата обращения: 28.03.2018).

11. История дачного движения [Электронный ресурс] // Городу.net. URL: http://городу.net/342-istoriya-dachi.html (дата обращения: 28.03.2018).

12. Каверау А. Дача к концу XIX века... Типы дач. Изменения в архитектуре дач в конце XIX века [Электронный ресурс]. URL: http://www.dkd.ru/design/book/1347/ (дата обращения: 23.03.2018).

13. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: моногр. Волгоград: Перемена, 2002.

14. Лоуэлл С. Дачники: История летнего жилья в России: 1710–2000 / пер. с англ. Л. Семёновой. СПб.: Академ. проект; ДНК, 2008.

15. Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: ЕУСПб, 2013.

16. Нефедова Н.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. № 3. С. 204–216.

17. Нефедова Н.Г. Российские дачи как социальный феномен // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2011. № 15. С. 161–173.

18. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: моногр. М.: Гнозис, 2007.

19. Откуда взялось и что означает слово «дача»? [Электронный ресурс] // Клуб любителей дачи 7dach.ru. URL: https://7dach.ru/realistka/otkuda-vzyalos-i-chto-oznachaet-slovo-dacha-146826.html (дата обращения: 29.03.2018).

20. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988.

21. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика [Электронный ресурс]. URL: http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/ (дата обращения: 23.03.2018).

22. Протасова О. Дача как явление русской жизни [Электронный ресурс]. URL: https://om-saratov.ru/publikacii/10-October-2014-i15734-marsh-shestisotyx-ili-dacha (дата обращения: 25.03.2018).

23. Руденко И.В. Дачная жизнь Петербурга начала XX века. По материалам дачных газет (Ораниенбаумская линия ж/д) // Четвертые открытые слушания «Института Петербурга». СПб., 1997.

24. Серебровская О. Дачная жизнь: детали [Электронный ресурс] // LiveJournal. URL: https://olga-srb.livejournal.com/386001.html (дата обращения: 24.03.2018).

25. Суперанская А.В. V. Blanar. Theoria vlastneγo mena: Рецензия // Вопр. языкознания. 1999. № 3. С. 43–50.

26. Трейвиш А. Дачная мобильность, дачный менталитет и дачеведение [Электронный ресурс] // Демоскоп. 2015. № 655–656. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/tema03.php (дата обращения: 23.03.2018).

27. Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на западе и в России // Известия РАН. Сер.: География. 2014. № 4. С. 22–32.

28. Ульянова Г. Все прелести русской вольной природы [Электронный ресурс] // Русский мир. URL: https://russkiymir.ru/media/magazines/article/191435/ (дата обращения: 26.03.2018).

29. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986–1987.

30. Цивьян Т.В. Дача и дачники в русском представлении [Электронный ресурс]. URL: www.imk.msu.ru/Publications/Vortrags/rt06russ_civjan_dacha.doc (дата обращения: 26.03.2018).

31. Caldwell M.L. Dacha idylls: Living Organically in Russia's Countryside. Berkeley; L. A. : University of California Press, 2011.

32. Lovell S. Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000. Ithaca: Cornell University Press, 2003.

33. Rumjanzewa M. Auf der Datscha: Eine kleine Kulturgeschichte und ein Lesebuch (in German). Zürich, Dörlemann Verlag, 2009.

34. Struyk R.J., Angelici K. The Russian Dacha phenomenon. Housing Studies. 11(2): 1996. P. 233–250.

* * *

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka / pod red. D.N. Ushakova. M.: Al'ta-Print, 2007.

2. Grabarova Je.V. Koncept savoir vivre vo francuzskoj lingvokul'ture i ego russkie sootvetstvija: dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2004.

3. Dacha [Jelektronnyj resurs] // Vikipedija: svobodnaja jenciklopedija. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Dacha (data obrashhenija: 16.03.2018).

4. Dacha, termin mezhevogo zakonodatel'stva [Jelektronnyj resurs] // Jenciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/128160/Dacha (data obrashhenija: 23.03.2018).

5. Deotto P. Dachnaja tradicija v Serebrjanom veke // Peterburg – stolica russkoj kul'tury II. Salerno: EuropaOrientalis, 2004. S. 335–348.

6. Deotto P. Peterburgskij dachnyj byt XIX v. kak fakt massovoj kul'tury. Salerno: Europa Orientalis, 1997. № 16. S. 357–372.

7. Dzhojja F. Lingvosociokul'turnyj potencial leksemy «dacha»: vypusknaja kvalifikacionnaja rabota magistra lingvistiki. SPb., 2017.

8. Dorohova N.I., Oljanich A.V. Lingvosemiotika sredy obitanija anglojazychnogo jetnosa V–XV stoletij: monogr. Volgograd, 2014.

9. Ermakova L.A., Sedyh A.P. Jazykovaja kartina mira i pragmatonimy «kasha», «porridge» i «bouillie» // Vestn. Irkut. gos. lingv. un-ta. 2010. № 2. S. 30–35.

10. Ivankina G. Russkaja dacha kak fenomen [Jelektronnyj resurs]. URL: https://zina-korzina.livejournal.com/723573.html (data obrashhenija: 28.03.2018).

11. Istorija dachnogo dvizhenija [Jelektronnyj resurs] // Gorodu.net. URL: http://gorodu.net/342-istoriya-dachi.html (data obrashhenija: 28.03.2018).

12. Kaverau A. Dacha k koncu XIX veka... Tipy dach. Izmenenija v arhitekture dach v konce XIX veka [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.dkd.ru/design/book/1347/ (data obrashhenija: 23.03.2018).

13. Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs: monogr. Volgograd: Peremena, 2002.

14. Loujell S. Dachniki: Istorija letnego zhil'ja v Rossii: 1710–2000 / per. s angl. L. Semjonovoj. SPb.: Akadem. proekt; DNK, 2008.

15. Malinova-Tziafeta O.Ju. Iz goroda na dachu: sociokul'turnye faktory osvoenija dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914). SPb.: EUSPb, 2013.

16. Nefedova N.G. Gorozhane i dachi // Otechestvennye zapiski. 2012. № 3. C. 204–216.

17. Nefedova N.G. Rossijskie dachi kak social'nyj fenomen // SPERO. Social'naja politika: jekspertiza, rekomendacii, obzory. 2011. № 15. C. 161–173.

18. Oljanich A.V. Prezentacionnaja teorija diskursa: monogr. M.: Gnozis, 2007.

19. Otkuda vzjalos' i chto oznachaet slovo «dacha»? [Jelektronnyj resurs] // Klub ljubitelej dachi 7dach.ru. URL: https://7dach.ru/realistka/otkuda-vzyalos-i-chto-oznachaet-slovo-dacha-146826.html (data obrashhenija: 29.03.2018).

20. Podol'skaja N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Nauka, 1988.

21. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaja lingvistika [Jelektronnyj resurs]. URL: http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/ (data obrashhenija: 23.03.2018).

22. Protasova O. Dacha kak javlenie russkoj zhizni [Jelektronnyj resurs]. URL: https://om-saratov.ru/publikacii/10-October-2014-i15734-marsh-shestisotyx-ili-dacha (data obrashhenija: 25.03.2018).

23. Rudenko I.V. Dachnaja zhizn' Peterburga nachala XX veka. Po materialam dachnyh gazet (Oranienbaumskaja linija zh/d) // Chetvertye otkrytye slushanija «Instituta Peterburga». SPb., 1997.

24. Serebrovskaja O. Dachnaja zhizn': detali [Jelektronnyj resurs] // LiveJournal. URL: https://olga-srb.livejournal.com/386001.html (data obrashhenija: 24.03.2018).

25. Superanskaja A.V. V. Blanar. Theoria vlastneγo mena: Recenzija // Vopr. jazykoznanija. 1999. № 3. S. 43–50.

26. Trejvish A. Dachnaja mobil'nost', dachnyj mentalitet i dachevedenie [Jelektronnyj resurs] // Demoskop. 2015. № 655–656. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/tema03.php (data obrashhenija: 23.03.2018).

27. Trejvish A.I. «Dachevedenie» kak nauka o vtorom dome na zapade i v Rossii // Izvestija RAN. Cer.: Geografija. 2014. № 4. S. 22–32.

28. Ul'janova G. Vse prelesti russkoj vol'noj prirody [Jelektronnyj resurs] // Russkij mir. URL: https://russkiymir.ru/media/magazines/article/191435/ (data obrashhenija: 26.07.2018).

29. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / per. snem. 2-e izd., stereotip. M.: Progress, 1986–1987.

30. Civ'jan T.V. Dacha i dachniki v russkom predstavlenii [Jelektronnyj resurs]. URL: www.imk.msu.ru/Publications/Vortrags/ rt06russ_civjan_ dacha.doc (data obrashhenija: 26.03.2018).

Semiotics of "dacha" as a concept of the habitat of the Russian aristocracy and the elite of the XVIII – XIX centuries: objective, expressive and value characteristics

The article describes semiotics of "dacha" as a concept of the habitat of the Russian aristocracy and the elite of the XVIII – XIX centuries. The author reveals objective, expressive (descriptive) and value characteristics of the concept under analysis. The relationships of the "dacha" concept with the related concepts "usadba", "pomestiye", "myza" and "imeniye" are considered. The differential features that distinguish the semantics of the concept "dacha" from the names of related concepts are defined.

Key words: *country house, sign, picture of the world, concept, pragmatonym, semiotics, habitat.*

(Статья поступила в редакцию 03.04.2018)